

В следующем анекдоте-шутке осмеивается общекультурная некомпетентность некоторых представителей немецкого народа:

Zitzewitz trifft einen jungen Subalternoffizier im Casino, der gerade ein Buch liest. «Von wem is^on dei Buch?». «Fontaane», antwortet der Jüngere.

«Ja, ja, juter Mann, dieser Tane».

Однако острота связана все же с лингвистическим нюансом: с неологической трансформацией фамилии известного немецкого писателя Теодора Фонтане (Theodor Fontane) в вымышленную фамилию Тане (Tane) с предложением «von».

Размышляя над особенностями русской языковой шутки, В.З. Санников отметил одну её важную особенность: «В языковой шутке языковая форма ненарушима, не допускает синонимических замен, *не поддается передаче элементами чужого языка*» [Санников 1999: 30-31]. Сказанное в полной мере относится и к немецким анекдотам-шуткам, перевод многих из которых на русский язык представляется действительно затруднительным. Например, *Die Schaffner der Bundesbahn haben es gut. Sie sind die einzigen Beamten, die ihr Leben in vollen Zügen genießen können* или *Wäre er doch nur Dichter! Wäre er doch nur dichter!* В приведённых случаях трудность эта заключается в том, что первый построен на обыгрывании прямого и переносного значения фразеологического выражения *das Leben in vollen Zügen genießen*, а тематический ориентир задан словосочетанием *die Schaffner der Bundesbahn*. Второй же построен на игре омонимичных созвучных форм слов: существительного *der Dichter* и формы сравнительной степени *dichter* от прилагательного *dicht*. В.З. Санников [Санников 1999] полагает, что свойство *непереводимости языковых шуток на другие языки* оказывается не только их актуальной характеристикой, но и является достаточным основанием для их отграничения от анекдотов референциальных. Не полемизируя с автором по поводу универсальности данного критерия, позволим себе заметить, что отмеченная особенность несомненно должна приниматься во внимание как *один из основополагающих критериев* при отграничении предметных и языковых анекдотов-шуток, поскольку факт уникальности каждого языка представляется бесспорным.

Итак, референциальные анекдоты-шутки строятся на обыгрывании разлада между устоявшимся и подвижным в исторических, культурных или национальных реалиях. В них достаточно выпукло отражаются изменения в национальном сознании. Непременным условием понимания многих референциальных анекдотов-шуток являются *фоновые знания и юмористическая компетенция* реципиента. Ресурсы языка в референциальных анекдотах-шутках не играют первостепенной роли.

Своеобразие лингвистических анекдотов-шуток заключается в том, что комический эффект создается в них прежде всего в опоре на выразительные возможности немецкого языка благодаря языковому творчеству носителей языка. Смеховая реакция реципиента зависит от успешного декодирования языкового каламбура, положенного в основу лингвистического анекдота-шутки. Адекватный перевод лингвистических анекдотов-шуток на другой язык представляется во многих случаях затруднительным.

Список использованной литературы

- Белянин В.П. Русский языковой анекдот / Центр международного образования МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004.
Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения. // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. с.144-153.
Пропп В.П. Проблемы комизма и смеха. – М.: Лабиринт, 1999.
Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999.
Седов К.Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. 2004.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ ТРАДИЦИОННОЙ ГРАММАТИКИ В РАННИХ ОПИСАНИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Михайлова Е.Н.

Белгородский государственный университет

Пристальное внимание современных ученых к проблемам терминологии обусловлено значимостью терминов не только как своеобразных инструментов профессиональной деятельности, но и как отражения той информационной картины мира, которая сформирована в процессе ее научного познания. Непрерывность этого процесса всегда способствовала, с одной стороны, зарождению новых, в другой, – качественному преобразованию существующих терминосистем. При изучении терминологии принято учитывать то, что понятийные характеристики терминов динамичны в своей основе, так как динамична сама познавательная деятельность человека. В связи с этим диахронический фактор при анализе терминов позволяет не только выявить этимологию, но и проследить за эволюцией понятия, проникнуть в суть явления, с его помощью обозначаемого. Обращение к изучению особенностей формирования лингвистической терминологии в рамках различных лингвистических традиций дает богатый материал для такого рода изысканий.

Несомненную значимость в связи с рассматриваемой проблемой представляют так называемые переломные эпохи, когда происходила смена научных парадигм в языкознании. В истории лингвистической

мысли таким по-своему уникальным периодом является эпоха Возрождения – время, когда на базе греко-латинского канона грамматического описания закладывались основы многих европейских национальных лингвистических традиций. Важное место среди них по праву занимает французская грамматическая традиция.

Поскольку в XVI в. знание о языке в Европе всецело опиралось на греко-латинскую традицию, первые описания французского языка создавались по образцам авторитетных грамматик с использованием набора готовых терминов, понятий, формул, выработанных на материале греческого языка и преломленных сквозь призму латыни во времена поздней античности и средневековья. На сходство приемов описания языка в ренессансных французских и канонических латинских грамматиках (Донат, Присциан и др.) обращали внимание многие ученые, не случайно в историко-лингвистических исследованиях XIX–XX вв. первые описания французского языка нередко называются «кальками» с латинских грамматик. Между тем анализ грамматического наследия французского Возрождения показывает, что наряду с широким использованием принципов классической традиции в них ярко выражено стремление к переосмыслению основных постулатов знания о языке. Достаточно зримо эта тенденция выразилась в сфере грамматической терминологии.

Обращает на себя внимание тот факт, что при внешней неизменности и универсальности ключевых понятий грамматики большинство канонических терминов получало в текстах первых описаний французского языка различное смысловое наполнение, продолжая при этом развиваться во времени, обрстая новыми связями и отношениями. Эта динамика как в целом метаязыка французских грамматик, так и отдельных терминов по-своему отражает подвижность и противоречивость культуры Возрождения, своеобразным воплощением которой и стала система знания о языке, созданная французскими гуманистами.

Одним примеров кардинального изменения положений традиционной грамматики и переосмысления постулатов грамматического канона в первых описаниях французского языка является категория *фигуры*, служившая для характеристики словообразовательных моделей частей речи. За внешним сходством базового латинского термина *figura* и французского новообразования *figure* при более пристальном рассмотрении сущности понятия, получившего место в описании французского языка, обнаруживаются явные расхождения, обусловленные, с одной стороны, критическим пересмотром гуманистами античного и средневекового наследия, с другой, – осмыслением ими природы родного языка, отличительной чертой которого по сравнению с латынью и греческим был ярко выраженный аналитизм.

Для того, чтобы понять сущность сдвигов в значении термина «фигура», произошедших в эпоху Возрождения, следует проанализировать специфику его описания на ранних этапах европейской традиции и сопоставить их с приемами грамматического моделирования и характером трактовки вопросов словообразования, изначально стоявших за ним.

Согласно положениям античной и средневековой грамматической традиции, под *фигурой* (*образом* или *строением*) принято было рассматривать разного рода словообразовательные модели. Вслед за Дионисием Фракийским, во многих авторитетных грамматиках античности принято было различать три образа: *простой*, *составной* и *образованный от составного*. Среди *составных* различали четыре разновидности в зависимости от комбинаций образующих их элементов. У Дионисия Фракийского они представлены следующим образом: «Среди составных четыре разновидности: одни из них (составлены) из двух целых, другие – из двух неполных, третьи – из неполного и целого, четвертые – из целого и неполного» [Античные теории 1996: 130]. Исходя из такого понимания фигуры, сложными словами принято было считать те, образование которых было связано прежде всего со словосложением и префиксальной деривацией. В несколько упрощенном виде данная категория представлена у Доната: в ее основу положена бинарная оппозиция – простые и составные формы [Ars Donati 46].

Обращает на себя внимание то, что при всем желании авторов ренессансных грамматик сохранить канонические признаки описания частей речи и их категорий, акциденция фигуры представлена далеко не во всех французских грамматиках XVI в. При этом в ее трактовке наблюдается гораздо больше противоречий, чем на других уровнях категориального анализа, например, при описании категорий рода, числа, падежа. В то время как грамматисты первой половины столетия включали фигуру в число акциденций таких частей речи, как имя, глагол, наречие, в общих чертах сохраняя за ней традиционную трактовку, авторы второй половины XVI в. шли по пути преобразования исходных положений канона. Противоречия в описании данной категории выразились в недостаточно четком определении ее содержания, подвижности ее границ и неоднозначном решении проблемы ее категориального статуса, что по-своему отразилось и на содержании термина.

Трансформация исходных положений греко-латинского канона в данном случае была обусловлена совокупностью причин. Прежде всего, она связана с изменением языка-объекта грамматического описания, отличавшегося от языков исходной модели своей типологией (как известно, в отличие от греческого и латинского языков, французский в XVI в. обладал уже оформившейся аналитической системой). Другой причиной сдвигов в интерпретации данной категории стало осмысление гуманистами феномена слова применительно к языку аналитического типа, т.е. рассмотрение его как цельнооформленной или раздельнооформленной единицы. И, наконец, новый подход к пониманию предмета грамматики, ее целей и задач на новом этапе развития знания о языке во многом предопределили преобразования, которыми оказалась затронута вся категориальная система. Переосмысление предмета грамматики привело к

девальвации категориального статуса фигуры, а также к смещению ее сначала на периферию грамматического описания, а затем и за его рамки. По-своему этот процесс был связан и с изменениями общего направления в развитии лингвистической программы французского гуманизма, прежде всего с эмансипацией грамматики от других областей знания о языке. Огромный лексический фонд французского языка с богатейшим набором словообразовательных моделей приобрел в то время большую значимость для риторики, которая, как пишет Н.А. Безменова, и была занята регламентацией этой словесной массы неорганизованных элементов [Безменова 1991: 87-88].

Одним из показателей эволюции содержательной стороны термина «фигура» является девальвация категориального статуса данной акциденции. Этот процесс в грамматической традиции французского Возрождения протекал достаточно динамично: в то время как грамматисты начала и в какой-то мере середины XVI в. сохраняли данную акциденцию в составе категорий частей речи, авторы второй половины столетия шли по пути ее исключения из грамматического описания или по пути вытеснения ее другими акциденциями со значением словопроизводства. В результате этого во французских грамматиках появились *дери́вация* и *уменьшительность*, близкие, но не идентичные традиционной акциденции фигуры признаки. Если в рамках деривации в какой-то мере воссоздавалась вся совокупность значений традиционной категории фигуры, то уменьшительность ограничивала грамматическое описание жесткими рамками суффиксальной деривации с достаточно узкой семантикой.

Как показывает анализ первых французских грамматик, попытка гуманистов приложить каноническую модель грамматического описания к родному языку поставила их перед необходимостью осмысления сущности таких понятий, как *слово* и *словообразование*. В античной и средневековой традиции фигура предполагала рассмотрение лишь цельнооформленных смысловых единиц, такой же подход сохранялся и в эпоху Возрождения в описании классических языков (Депотер, Скалигер, Санчес, Линакр, Рамус, Коши и др.). Во французских грамматиках XVI в. в связи с переосмыслением понятия слова границы словосложения расширились, поэтому в рамках акциденции фигуры рассматривались не только цельнооформленные, но и раздельнооформленные единицы. К примеру, при описании имени в грамматике Ж.Дюбуа как типичные случаи словосложения представлены следующие аналитические образования: *moult docte, fort docte, bien docte* [Dubois 1531: 95]. Вхождению этих форм в описание имени наряду с цельнооформленными единицами типа *enemi* способствовало то, что лингвистическим сознанием эпохи они воспринимались как неразрывное смысловое целое, отвечающее всем требованиям, предъявляемым грамматической традицией к слову (*dictio*). Об этом свидетельствует, во-первых, типичное для общезападной нормы того времени слитное их написание (*tresdocte, tresfort*), во-вторых, трактовка односложных наречий интенсивности в этих формах как частиц, а не как полнозначных слов.

Подход Л.Мегре к описанию акциденции фигуры является одним из наглядных примеров точного воспроизведения традиционных постулатов грамматики при переносе их на новый языковой материал. В его трактате, в главе, посвященной описанию имени, довольно подробно описываются следующие типы словообразования: 1) имена, состоящие из двух целых слов (*malheur*), 2) имена, состоящие из двух форм, каждая из которых в отдельности не имеет значения (*benivole*), 3) имена, состоящие из одной неполной и одной полной формы (*chacun, aocun, qelcun*) [Meigret 1550: 48-49]. При этом Мегре отмечает, что тонкости словообразования лучше всего разбирать на примерах из латыни и греческого, тем самым он обращает внимание на недостаточно развитую систему словообразования в родном языке.

Аналогична оценка данного явления во французском языке в работах Дж. Пальсграва, Ж. Пилло, исключивших традиционную акциденцию фигуры из описания частей речи. Иначе оценивал распространенность данного явления в родном языке П.де ла Раме, по мнению которого этот способ словообразования используется во французском языке намного шире, чем в латыни [Ramus 1587: 60]. Как видим, представления о типичных чертах французского обихода даже у грамматистов, представлявших одно поколение, не во всем совпадали.

В грамматиках второй половины XVI в. все явственнее прослеживается тенденция по смещению категории фигуры, а вместе с ней и вопросов словообразования, не только на периферию, но и за пределы грамматического описания. Одна из причин инноваций в анализе словообразовательных моделей французского языка кроется в переосмыслении значения традиционной категории или в расщеплении общего значения, стоявшего за каноническим термином. Если в античной и средневековой традиции акциденция фигуры включала префиксальную деривацию как один из типов словосложения, то во французской традиции XVI в. префиксальная и суффиксальная деривация, получавшие ранее отражение в двух таких разных акциденциях, как *вид* (*species*) и *фигура*, слились воедино.

В связи с новой трактовкой термина *фигура* рассматривалась уже исключительно как словосложение, что стало главной причиной перемещения ее на периферию, а затем и исключения из грамматического описания. Так, Ж. Пилло заменил ее на акциденцию *вида*, Дж. Пальсграв вывел на смену ей *дери́вацию*, основу которой составляло традиционное противопоставление: исходные / производные слова. В работах А.Коши и Ж.Массе в качестве одного из признаков имени выделена *уменьшительность*, представлявшая собой в классической традиции один из элементов категории *вида*. Как видим, осмысление гуманистами словообразовательных моделей, типичных для французского языка, осуществлялось на материале традиционных категорий *вида* и *фигуры*. Анализ источников показывает, что содержание обеих категорий оказалось трансформированным не столько в связи с приложением его к новому языковому материалу,

скольким в связи с изменением общих постулатов знания о языке, в результате чего в центре внимания оказались сугубо грамматические признаки слов (род, число, лицо и др.).

Грамматика Ж. Пилло представляет собой один из примеров наиболее оригинальной интерпретации данной категории. Так, при описании имени этот автор исключил акциденцию фигуры (словосложения), заменив ее акциденцией вида и сообщив этой последней иной характер за счет введения нового противопоставления (первичные – уменьшительные имена) к уже имевшему место (первичные – производные). Одна из видимых причин трансформации канонической модели описания имени в данной грамматике кроется в близости содержания, которое изначально стояло за акциденциями вида и фигуры. С другой стороны, изменение, внесенное Ж. Пилло в категориальную систему, можно рассматривать как результат воздействия на него новых веяний в грамматике, в частности, идей Скалигера, отмечавшего, что из двух категорий вид гораздо важнее, так как «без фигуры речь существовать может, а без вида – нет» [Scaliger 1540: 170]. Принимая во внимание тот факт, что из всех типов словообразования во французском языке рассматриваемого периода словосложение представляло собой наименее типичное явление [Дожа 1956: 158 и др.], становится вполне объяснимым предпочтение, отданное Ж. Пилло одному признаку, и исключение из грамматического описания другого. В итоге в его грамматике суффиксальная деривация нашла себе место в категориальном описании частей речи через акциденцию вида, но при этом заняла нишу, предназначенную традиционно для акциденции фигуры.

Итак, акциденция фигуры в грамматической традиции французского Возрождения представляет собой пример кардинального пересмотра позднеантичного грамматического наследия, взятого за образец. Изменения в описании данной категории выразились в том, что за внешней неизменностью термина, скалькированного с латинского оригинала, стоит качественное переосмысление его содержания. Осуществленные французскими гуманистами преобразования в области грамматической терминологии свидетельствуют о преобразованиях, значимых для ренессансной традиции в целом. То, что вопросы словообразования первоначально были выведены на периферию, а затем и за рамки грамматического описания, по-своему отражает специфику становления новой научной парадигмы, а именно: эмансипацию грамматики от других областей знания о языке.

Список использованной литературы

- Античные теории языка и стиля. СПб., 1996.
Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. М., 1991.
Дожа А. История французского языка. М., 1956.
Ars Donati grammatici // Holtz L. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical. P., 1981.
Dubois Jacques. In linguam Gallicam Isagoge, una cum eiusdem Grammatica Latino-Gallica ex Hebraeis, Graecis et Latinis scriptoribus. Parisiis, 1531.
Estienne Robert. Traicté de la Grâmaire Françoise. Paris, 1556.
Grammatici Latini. Lipsiac, 1855-1880. Vol 3.
Meigret Louis. Le tretté de la grammere françoëze. Paris, chez Christien Wechel, 1550. / Ed. établie par F.-J.Hausmann. Tübingen, 1980. 172 p.
Pillot Jean. Gallicae linguae Institutio Latino sermone conscripta (1550). Parisiis, 1561.
Ramus Petrus. Grammaire (1572). Paris, 1587.
Scaliger Julius Caesar. De causis lingae Latinae. Lugduni, 1540.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «АЛКОГОЛЬНЫЕ НАПИТКИ» В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Морель Морель Д. А.

Белгородский филиал Современной гуманитарной академии

Настоящая статья продолжает серию работ, посвященных особенностям лексико-семантической репрезентации концептосферы "ПИЦЦА" в различных языках. Объектом настоящего исследования является концепт "АЛКОГОЛЬНЫЕ НАПИТКИ" в русской и французской концептуальных картинах мира (ККМ), предметом – системы средств его репрезентации в соответствующих национальных языковых картинах мира (ЯКМ). На данном этапе исследования мы ограничиваемся анализом непосредственных обозначений алкогольных напитков.

Напитки вообще (а алкогольные в особенности) являются неотъемлемой частью культуры любой нации [Арутюнов 2001]. Притом, что они входят в состав материальной культуры, соответствующий концепт широко и ярко репрезентирован в культуре духовной (вспомним стихотворения Омара Хайяма, Роберта Бернса, отечественных классиков). Франция, будучи страной с давними и развитыми винодельческими традициями, отличается высокой культурой в изготовлении и *потреблении* алкогольных напитков (см., например: [Brillat-Savarin 1993; Dumas 1996; Doutrelant 1984]). Данное положение вещей находит свое отражение в ККМ (см., например, статью "BOISSON-TOTEME" в [TLFi]) и зафиксировано в языковой системе (см., например: [Debuigne 1991; De Rudder 2006]):